

А. И. ДАНИЛОВ

НЕМЕЦКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ «ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ» ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1918—1919 ГОДОВ

Как и в других империалистических странах, участвовавших в первой мировой войне, в Германии война сопровождалась мобилизацией всех сил и средств буржуазной идеологии для разжигания шовинизма, для оправдания преступной бойни лживыми фразами о мнимой необходимости для широких народных масс защищать «свое отечество» от угрозы извне. В разнузданной милитаристской пропаганде самое активное участие приняли немецкие буржуазные историки¹. Но политическая деятельность последних не ограничивалась только пропагандистскими выступлениями. Крупнейшие немецкие буржуазные историки прямо или косвенно оказывали влияние на определение политического курса различных группировок юнкерства и буржуазии. В деятельности пангерманской группировки, объединившей наиболее воинствующие элементы немецкого империализма, руководящее участие принимали такие столпы юнкерско-буржуазной историографии, как Георг Белов, Эдуард Мейер, Дитрих Шеффер².

Не меньшую активность проявляли историки-либералы, расхопившиеся с пангерманцами в оценке политических перспектив империалистической Германии в годы войны. Либеральная группа историков-политиков возглавлялась Максом Вебером, Гансом Дельбрюком, Фридрихом Мейнеке и Эрнстом Трельчем. Специальное рассмотрение деятельности этих историков представляет интерес не только для понимания подлинной сущности немецкого буржуазного либерализма в годы первой мировой войны, но и для изучения эволюции немецкой буржуазной историографии. Это тем более важно, что современный западногерманский неоллиберализм стремится представить Вебера, Дельбрюка, Мейнеке, Трельча в качестве людей, которые во время мировой войны и революции 1918—1919 гг. руководствовались подлинно патристическими и свободолюбивыми целями.

¹ Представители всех оттенков и направлений немецкой буржуазной историографии выступали с докладами и статьями, в которых они стремились дать историческое обоснование лживому тезису о справедливом характере войны со стороны Германии. См., например: G. B e l o w. Das deutsche Heerwesen in alter und neuer Zeit.— «Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik». 9. Jhg., 1914, H. 5; его же. Kriegs- und Friedensfragen. Dresden, 1917; L. B r e n t a n o. Das ganze deutsche Volk unser Schlachtruf und Kriegsziel. München, 1916; H. B r u n n e r. Offener Brief an die Fachgenossen.— «Internationale Monatsschrift...», 9. Jhg., 1914, H. 3; O. G i e r k e. Krieg und Kultur. Berlin, 1914; E. M a r c k s. Wo stehen wir? Die politischen, sittlichen und kulturellen Zusammenhänge unseres Krieges. Stuttgart—Berlin, 1914; K. L a m p r e c h t. Krieg und Kultur. Drei vaterländische Vorträge. Leipzig, 1914; Deutsche Zukunft. Gotha, 1916; H. O n c k e n. Deutschlands Weltkrieg und die Deutschamerikaner. Ein Gruss des Vaterlandes über den Ozean. Stuttgart—Berlin, 1914; G. S c h m o l l e r. Herkunft und Wesen der deutschen Institutionen.— «Deutschland und Weltkrieg». Hrsg. von O. Hintze, F. Meinecke, H. Oncken und H. Schumacher. Leipzig, 1915; W. S o m b a r t. Händler und Helden. Patriotische Besinnungen. München—Leipzig, 1915.

² Обстоятельная характеристика взглядов историков-пангерманистов в годы первой мировой войны дана в статье: Д. Зандберг. Немецкие историки на службе германского империализма.— «Вопросы истории», 1948, № 11.

Представители современного неоллиберализма признают, что многие немецкие историки были повинны в создании и распространении идей, обосновывавших участие Германии в двух мировых войнах, каждая из которых закончилась национальной катастрофой. Они считают поэтому необходимой переоценку ценностей и пересмотр традиционных представлений об истории Германии, созданных Леопольдом Ранке, Генрихом Зибелем, Генрихом Трейчке и их последователями³. Но в своей ревизии этих представлений историки-неоллибералы считают необходимым руководствоваться взглядами, развивавшимися Вебером, Дельбрюком, Мейнеке, Трельчем накануне военного краха Германии и во время революции 1918—1919 гг. По мнению сторонников неоллиберального направления, осуществление политической программы, выдвинутой этими историками-политиками, якобы, в результате тщательного анализа исторического прошлого, могло в свое время предотвратить установление фашистской диктатуры, приведшей Германию ко второй мировой войне и к катастрофе 1945 г.⁴

Однако в действительности «духовные отцы» современного неоллиберализма в немецкой историографии несут большую долю ответственности за политику германского империализма и ее трагические для немецкого народа последствия⁵. Нельзя назвать ни одного либерального историка, который в начале первой мировой войны не занимал бы позиций поддержки германского империализма, не восторгался бы его военными успехами. Так, М. Вебер, задолго до начала войны выражавший опасения в способности кайзеровского правительства обеспечить немецкой буржуазии успехи на мировой арене, в письме к Ф. Теннисеу от 15 октября 1914 г. высоко оценивал деятельность верховного командования по руководству войсками⁶. Г. Дельбрюк в первые месяцы войны провозглашал ее «позитивной целью» уничтожение английского морского могущества и содействовал вовлечению в мировую бойню левых государств, в частности Турции⁷. Ф. Мейнеке, восторженно встретивший в августовские дни 1914 г. «объединение нации во имя победы», был полон надежд на победоносные для Германии результаты войны и принял самое активное участие в военно-пропагандистской кампании⁸. Что касается Э. Трельча, то он не только

³ G. Ritter. *Geschichte als Bildungsmacht. Ein Beitrag zu historisch-politischen Neubesinnungen.* Stuttgart, 1947; *Gegenwärtige Lage und Zukunftsaufgaben deutscher Geschichtswissenschaft.*—«Historische Zeitschrift», Bd. 170, 1950; *Das Problem des «Militarismus» in Deutschland.* Bd. I. München, 1954; L. Dehio. *Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert.* München, 1955; W. Hofer. *Geschichte und Politik.*—«Historische Zeitschrift», Bd. 174, 1952; *Geschichte zwischen Philosophie und Politik. Studien zur Problematik des modernen Geschichtsdenkens.* Basel, 1956.

⁴ Говоря о тех политических выводах, которые после революции 1918—1919 гг. сделал Мейнеке в результате пересмотра новой и новейшей истории Германии, В. Гофер называет эти выводы «пророческим предостережением», которое, к сожалению, не было принято во внимание и осталось «гласом вопиющего в пустыне».—W. Hofer. *Geschichte zwischen Philosophie und Politik...*, S. 42. См. также: L. Dehio. *Friedrich Meinecke—der Historiker in der Krise.* Berlin—Dahlem, 1952; W. Goetz. *Friedrich Meinecke. Leben und Persönlichkeit.*—«Historische Zeitschrift», Bd. 174, 1952; G. Ritter. *Gegenwärtige Lage und Zukunftsaufgaben deutscher Geschichtswissenschaft.*—«Historische Zeitschrift», Bd. 170, 1950; H. Rothfels. *Friedrich Meinecke. Ein Rückblick auf sein wissenschaftliches Lebenswerk.* Berlin—Dahlem, 1954. А. Тиме характеризует Дельбрюка как человека, который, руководствуясь глубоким чувством политической и социальной ответственности, сумел вскрыть и заклеймить позором слабость и ошибки, допущенные политическим руководством Германии, который отдавал все свои силы борьбе против гипертрофированного немецкого национализма и является образцом «независимого и мужественного ученого и политика».—A. Thimme. *Hans Delbrück als Kritiker der wilhelminischen Epoche.* Düsseldorf, 1955. S. 155. О Трельче см.: E. C. Kollmann. *Eine Diagnose der Weimarer Republik.* Ernst Troeltschs politische Anschauungen.—«Historische Zeitschrift», Bd. 182, 1956. О Вебере см.: Th. Schieder. *Das Verhältnis von politischer und gesellschaftlicher Verfassung und die Krise des bürgerlichen Liberalismus.*—«Historische Zeitschrift», Bd. 177, 1954.

⁵ На это справедливо указывают историки-марксисты ГДР. См. G. Theodor. *Friedrich Naumann oder der Prophet der Profits.* Ein biographischer Beitrag zur Geschichte des frühen deutschen Imperialismus. Berlin, 1957; R. Naumann. *Theorie und Praxis des Neoliberalismus.* Berlin, 1957.

⁶ M. Weber. *Gesammelte politische Schriften.* München, 1921, S. 458.

⁷ H. Delbrück. *Krieg und Politik, 1914—1916.* Bd. I. Berlin, 1948, S. 39, 43—44.

⁸ F. Meinecke. *Strassburg—Freiburg—Berlin. 1901—1919. Erinnerungen.* Stuttgart, 1949, S. 137; его же. *Die deutsche Erhebung von 1914.* Stuttgart—Berlin,

пытался доказать, что в прусско-германском милитаризме воплотились лучшие качества немецкой нации, но и считал необходимым пересмотреть представления о движущих силах исторического процесса, по-новому, более высоко оценив роль таких факторов, как государство и военная элита⁹.

У Дельбрюка, Вебера, Мейнеке, Трёлля оппозиционные настроения по отношению к кайзеру, военному руководству и пангерманским кругам нарастали по мере того, как перспектива победоносного мира становилась нереальной, а возможность военного поражения и революционного взрыва в Германии становилась все более вероятной. Именно это волновало историков-либералов, которые упрекали правящие круги в неспособности трезво оценить развитие событий на фронте и внутри страны. Страх перед надвигавшейся военно-политической катастрофой империалистической Германии — вот та сила, которая сблизила их, побудила позаботиться о выработке нового внутриполитического курса и выдвинуть программу заключения мира на основе не германского диктата, а компромиссного соглашения с Англией и другими противниками на Западе. Эти идеи развивались в кружке берлинских профессоров, в котором руководящая роль принадлежала Дельбрюку и Трёллю. Кружок этот объединял не только либеральную профессуру, но и профессиональных буржуазных политиков, дипломатов, военных и т. д. Наряду с Мейнеке, Вебером и Гинце в нем участвовали Г. Гершнер, А. Вирканд, А. Риль, В. Ратенау, Р. Кюльман, Ф. Науман. Кружок не ограничивался попытками повлиять на политику правительства при помощи меморандумов и личного воздействия на канцлера Бетман-Гольвега¹⁰, но и пытался создать массовую организацию, которая должна была, с одной стороны, противодействовать распространению среди рабочих и солдат революционных идей, а с другой стороны, являться противовесом созданной пангерманцами летом 1917 г. «Немецкой отечественной партии». В сентябре 1917 г. был организован «Народный союз для защиты свободы и отечества». В него вошли многочисленные представители буржуазной интеллигенции и реформистские руководители профсоюзов, объявившие возглавляемые ими профсоюзные организации коллективными членами «Народного союза». Членами его правления были историки Брентано, Вебер, Дельбрюк, Мейнеке, Онкен, Трёлль¹¹. С кружком был тесно связан и принц Макс Баденский, для которого кружок, по словам Мейнеке, явился впоследствии «в известной степени приватным государственным советом»¹².

Подавляющее большинство либеральных историков, ставших в 1916—1917 г. в оппозицию к военно-политическому руководству Германии и считавших необходимым проведение внутренних реформ, тем не менее вовсе не помышляло о разрыве с существовавшей тогда в стране политической системой. По мнению Мейнеке, демократизация Германии была бы равносильна ее деморализации¹³, а существование монархии не только не противоречило подлинной политической свободе, но, напротив, являлось якобы ее необходимым условием¹⁴. Даже с проектом введения всеобщего прямого избирательного права в Пруссии Мейнеке согласился лишь после 1914. В 1915 г. совместно с О. Гинце, Г. Онкеном и Г. Шумахером Мейнеке при поддержке правительства выпустил упомянутый в примечании 1 сборник статей «Германия и мировая война», который, как указывал сам Мейнеке, имел целью оказать влияние на общественное мнение нейтральных государств. В сборнике при помощи извращения исторических фактов спасителем немецкого народа объявлялся милитаризм, которому приписывалась прогрессивная культурно-воспитательная роль.

⁹ E. Troeltsch. Das Wesen des Deutschen. Heidelberg, 1915; его же. Der Krieg und die Internationalität der geistigen Kultur. — «Internationale Monatsschrift...», 9. Jhg., 1914, H. I, S. 58.

¹⁰ F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 215, 223—226.

¹¹ Ibid., S. 230; G. Theodor. Friedrich Naumann..., S. 127.

¹² В своем дневнике Мейнеке 3 октября 1918 г. приводил слова Трёлля, что основная политическая информация, которой пользуется Макс Баденский, исходит из кружка Дельбрюка. — F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 169, 264. О деятельности кружка Дельбрюка — Трёлля и «Немецкого клуба 1914 г.», во главе которого стояли участники кружка, см.: ibid., S. 157—159, 167—170; см. также: F. Schmidt, K. Molinski, S. Mette. Hans Delbrück. Historiker und Politiker. Berlin, 1928; Prinz Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Berlin — Leipzig, 1928.

¹³ «Die deutsche Freiheit. Fünf Vorträge von Harnack — Meinecke — Sering — Troeltsch — Hintze». Gotha, 1917, S. 30.

¹⁴ Ibid., S. 36.

больших внутренних колебаний, так как считал необходимым сохранение «небольшого аристократического тормоза»¹⁵.

Наиболее радикальные позиции по вопросу о реформе политического строя занял М. Вебер. Но и он критиковал военно-политическое руководство не за империалистические устремления, правомерность которых не подлежала для него сомнению. Для Вебера вопрос сводился к тому, как осуществляется эта политика¹⁶. Он считал, что государственные руководители Германии во главе с Вильгельмом II своей деятельностью создали обстановку, при которой Германия вступила в войну в условиях международной изоляции. Тем не менее в первые месяцы войны Вебер считал победу Германии возможной, но уже в 1915 г. пришел к выводу, что нельзя разрешить мировой конфликт в пользу Германии военными средствами. 1 октября 1915 г. он писал: «Каждая победа все больше отдаляет нас от мира. В этом состоит своеобразие обстановки»¹⁷. В своих письмах Вебер все более определенно высказывал мысль о неспособности военно-политического руководства Германии найти выход из сложившейся обстановки. Вильгельм II, высшая бюрократия и верховное командование своими действиями как внутри страны, так и на фронте, по мнению Вебера, постоянно наносили вред национальным интересам Германии, затягивали войну и затрудняли возможность заключения «почетного» мира, в котором Вебер видел единственный выход. Но было бы ошибочным утверждать, будто Вебер выступал в это время противником захватнических планов германской военщины¹⁸. «Мир без аннексий», о котором он писал, предполагал создание «самостоятельных государств» на территории Польши, Литвы, Лифляндии, входивших тогда в состав Российской империи, но при условии, что эти государства вступят в таможенный союз с Германией. Кроме того, Польша должна была предоставить Германии право создать военные укрепления к северу от Варшавы. На западе Вебер считал необходимой длительную военную оккупацию Люксембурга и 20-летнюю оккупацию бельгийских городов Намюра и Льежа в качестве «залога» создания Бельгией укреплений в районе Остенде и вдоль своей южной границы. Вебер не исключал возможности новых колониальных приобретений¹⁹. Оценивая веберовский план «мира без аннексий», нельзя не вспомнить ленинскую характеристику такого рода проектов: «Шовинизм остается шовинизмом, какой бы национальной марки он ни был, какими бы фразами пацифистского сорта он ни прикрывался»²⁰.

В начале февраля 1917 г., после объявления Германией неограниченной подводной войны, Вебер пришел к выводу, что оправдываются его наихудшие предположения о последствиях руководства германской политикой, осуществлявшегося четверть века Вильгельмом II и его придворно-милитаристским окружением²¹. Вебер проявил определенную политическую прозорливость, считая, что Германии непосредственно угрожают не только военная катастрофа, но и серьезные внутриполитические потрясения, во имя предотвращения которых Вебер считал необходимым изменение политического строя Германии. Прежде всего реформы, по его

¹⁵ «Die deutsche Freiheit...», S. 39; F. Meineske. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 220—222.

¹⁶ Уже после того, как война была проиграна Германией, Вебер 13 ноября 1918 г. совершенно определенно заявил: «Политика двух последних лет была преступной не потому, что она была военной политикой, а потому, что она была легкомысленной и лживой политикой». — M. Weber. Max Weber. Ein Lebensbild. Tübingen, 1926, S. 615.

¹⁷ Ibid., S. 546.

¹⁸ Этот тезис отстаивает К. Ясперс в своей книге о Вебере: K. Jaspers. Max Weber. Politiker, Forscher, Philosoph. 2. Aufl. Bremen, 1946, S. 18—19.

¹⁹ M. Weber. Gesammelte politische Schriften. München, 1921, S. 459. Развивавшаяся Вебером программа дележа мира империалистическими державами в ряде пунктов совпадала с программой, выдвинутой Дельбрюком. Последний после провозглашения в конце 1916 г. Вильгельмом II «независимой Польши» считал необходимым осуществить подобную же операцию по отношению к Литве. При этом северная часть Литвы и вся Латвия должны были быть присоединены непосредственно к Германии. В отличие от Вебера Дельбрюк считал разумным не претендовать на территориальные приобретения в Западной Европе. — H. Delbrück. Das deutsche Friedensangebot. — «Preussische Jahrbücher», Bd. 167, 1917, S. 465.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 172.

²¹ M. Weber. Max Weber, S. 589.

мнению, должны были идти по линии перестройки всего государственного управления на основе последовательного проведения принципов парламентской системы и введения всеобщего избирательного права в прусский ландтаг. Летом 1917 г. Вебер опубликовал в «Frankfurter Zeitung» серию статей по внутриполитическим проблемам²², а в декабре 1917 г. издал брошюру «Избирательное право и демократия в Германии»²³.

В этих работах отчетливо видно стремление Вебера выдвинуть политические идеи, на основе которых, как ему казалось, можно будет упорочить буржуазные отношения в Германии и обеспечить успехи империалистической политики на международной арене. Вебер считал необходимым пересмотр традиционных для немецкой буржуазии идей, связанных с так называемым политическим наследством Бисмарка: «Он [Бисмарк] оставил нацию без какого бы то ни было политического воспитания, нацию, находящуюся гораздо ниже того уровня, который в этом отношении был достигнут ею уже за 20 лет до него. И, прежде всего,—нацию, лишенную политической воли, нацию, которая привыкла, что стоящий во главе ее великий государственный деятель творит за нее политику. Наконец, как результат злоупотребления монархическим чувством для прикрытия собственных корыстных интересов в партийно-политической борьбе,—нацию, для которой стало обычным фаталистически доверять титулу «монархическое правительство» и воспринимать без критики все решения тех, кто уселся на ставшем свободным после Бисмарка кресле и кто с удивительной непосредственностью взял в свои руки руль государственного управления»²⁴.

Считая делом, совершенно не терпящим отлагательства, замену трехклассной избирательной системы в прусский ландтаг всеобщим избирательным правом, Вебер указывал, что без этого Германия не в состоянии вести в будущем войну. Он считал необходимым извлечь уроки и из опыта революции в России. Для ведения войны, писал Вебер, «недостаточно военного и всякого иного снаряжения, а равно и военно-административного аппарата; для этого необходима также внутренняя готовность нации защищать государство как свое государство. События на Востоке могли бы показать, что происходит, если отсутствует эта готовность»²⁵.

Для того чтобы немецкий народ смог стать господствующим на мировой арене, он должен, настаивал Вебер, преобразовать собственный политический строй: «Только политически зрелый народ является «народом господ» (Herrenvolk); а это значит, что он должен быть народом, который держит в собственных руках контроль за решением своих дел и с помощью избранных им представителей решающим образом участвует в подборе политических руководителей». В другом месте Вебер писал: «Только нации господ призваны вращать колесо мирового развития. Если же это пытаются делать народы, не обладающие таким качеством, то тогда против них восстает не только здоровый инстинкт других народов, но они также в этой политике терпят и внутреннюю катастрофу»²⁶.

Едва ли нужны еще другие доказательства того, что настойчиво пропагандировавшаяся Вебером «демократизация государственного устройства Германии» не имела ничего общего с отказом от призываний германского империализма в области внешней политики. Напротив, в этой «демократизации» Вебер усматривал коренное условие их реализации²⁷. Для обеспечения правильного функционирования парламентской системы, основанной на всеобщем избирательном праве, Вебер придавал особое значение деятельности «рационально мыслящих политиков», которые

²² Эти статьи были затем изданы отдельным сборником: M. Weber. *Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland. Zur politischen Kritik des Beamtentums und Parteiwesens.* München — Leipzig, 1918.

²³ M. Weber. *Wahlrecht und Demokratie in Deutschland.* Berlin — Schöneberg, 1917.

²⁴ M. Weber. *Parlament...*, S. 12.

²⁵ M. Weber. *Wahlrecht...*, S. 44.

²⁶ M. Weber. *Parlament...*, S. 169, 180.

²⁷ Не менее характерной для политической программы Вебера в годы войны является и его защита «здорового капитализма», который он противопоставлял военной спекуляции. По мнению Вебера, капитализм — система, воплощающая «самую совершенную хозяйственную этику в истории человечества». — M. Weber. *Wahlrecht...*, S. 9—10.

возглавляют рабочие организации и способны использовать их для поддержания государственного порядка, «свободного от эмоционального воздействия со стороны уличной стихии». Вебер заявлял, что первостепенное значение в сохранении германского государства имеет укрепление влияния профсоюзных лидеров на пролетарские массы²⁸.

Февральская буржуазно-демократическая, а затем Октябрьская социалистическая революции в России привлекли к себе пристальное внимание немецких буржуазно-либеральных историков-политиков. Революционные события в России интересовали их как с точки зрения влияния на военно-политическое положение Германии, так и особенно в плане их воздействия на развитие внутриполитической борьбы. При этом историки-либералы вполне одобряли попытки правящих кругов использовать революцию в России для захвата входивших в ее состав прибалтийских территорий. Так, в марте 1917 г. в кружке Дельбрюка — Трёлча был разработан план переселения в Латвию немецких крестьян, которые должны были служить опорой немецкому владычеству над этой страной. Опасаясь влияния русской революции на немецких рабочих, Дельбрюк, Мейнеке, Трёлч пришли к выводу о необходимости ускорить внутренние реформы в Германии, ставящие своей целью «умиротворить рабочий класс». В беседе с Бетман-Гольвегом 31 марта 1917 г. Мейнеке мотивировал неотложность избирательной реформы Пруссии тем, что «следует предупредить ожидаемое у нас социалистическое наводнение быстрым осуществлением реформы»²⁹.

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на массы немецких рабочих и солдат вызывало ужас у либеральных немецких историков. По признанию Мейнеке, страх перед пролетарской революцией побуждал участников кружка Дельбрюка — Трёлча возлагать в конечном счете главные надежды на способность немецкой военной машины предотвратить революционный взрыв в Германии³⁰.

С ноября 1917 г. через все политические выступления Вебера, Дельбрюка, Мейнеке и Трёлча красной нитью проходит бешеная ненависть к Октябрьской революции. Рассчитывая на помощь социал-предателей в деле борьбы с революционным пролетариатом³¹, историки-либералы делали все возможное, чтобы очернить в глазах немецкого народа Октябрьскую революцию и советскую власть в России, призывали к мобилизации всех сил «западного мира» для ее удушения. В своих докладах и статьях Вебер клеветнически заявлял, что советская власть представляет собой «большевистский солдатский империализм», угрожающий безопасности всех соседних народов³². Такими заявлениями Вебер, в частности, стремился оправдать политику германского правительства во время переговоров с Советской Россией и прабительский Брест-Литовский мир³³. Вебер пытался убедить своих читателей, что большевистская революция в Германии невозможна, так как установление советской власти в России было результатом специфического общественно-политического развития этой страны. Вместе с другими столпами буржуазной общественной мысли Вебер пророчил развал всей экономики Советской России и неизбежный крах диктатуры пролетариата³⁴.

²⁸ M. Weber. Wahlrecht..., S. 43.

²⁹ F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 223, 224.

³⁰ В своем дневнике Мейнеке писал 1 мая 1918 г., что «теперь необходима грубая сила милитаризма» для предотвращения повторения русских событий в Германии. Указывая, что здесь имеются более прочные плотины против большевистской революции, чем в России, Мейнеке вместе с тем отмечал, что «весь мир может, по-видимому, оказаться перед угрозой подобного рода революционного разрушения старых форм государства и культуры». — F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 245—246.

³¹ Ibid., S. 256—257, 267, 269, 275.

³² M. Weber. Gesammelte politische Schriften, S. 323—324; его же. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen, 1924, S. 514—515.

³³ Следует отметить, что в своих личных письмах Вебер высказывал и критические замечания в адрес германской делегации, порицая ее, между прочим, за чрезмерность предъявленных ею требований. — M. Weber. Max Weber, S. 631.

³⁴ M. Weber. Gesammelte politische Schriften, S. 325; его же. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik, S. 515.

Подобно Веберу, Г. Дельбрюк уверял, что пролетарская революция в Германии невозможна³⁵. В его изображении Великая Октябрьская революция привела к всеобщему бесперспективному экономическому хаосу, навсегда вычеркнувшему Россию из числа великих держав. В то же время Дельбрюк заявлял, что большевизм — «угроза мировой культуре» и защита ее является поэтому исторической миссией Германии³⁶. В соответствии с этим Дельбрюк не только приветствовал Брестский мир как «справедливый и гуманный», но и призывал под предлогом оказания «помощи» прусским народностям к продолжению и расширению немецкой интервенции против Советской России. Он цинично заявлял, что, создавая марионеточные государства и правительства, Германия будто бы тем самым приближает установление всеобщего мира. По его мнению, продолжение интервенции против Советской России не приведет к сколько-нибудь значительным потерям немецкой армии, но в то же время позволит Германии доказать всему миру, что она является подлинной защитницей цивилизации от социальной анархии и с оружием в руках выступает в поддержку самостоятельности малых наций³⁷. Что означала на деле эта поддержка, видно из настойчивого требования Дельбрюка обеспечить в любой форме политическое господство Германии в Литве, Латвии и Эстонии, например, путем создания здесь монархических государств, находящихся в личной унии с Германской империей³⁸. Дельбрюк выступал как глашатай тех кругов немецкого империализма, которые стремились к соглашению с империалистами Антанты на основе совместной борьбы против мирового революционного движения, и в первую очередь против его цитадели — Советской России.

* * *

В ноябре 1918 г. в Германии, после того как «многомесячное развитие борьбы подточило в этой стране империализм»³⁹, монархия Гогенцоллернов была сметена восставшими рабочими и солдатами. Немецкие солдаты и матросы отказались продолжать войну. «Бойцы, многолетней бойни самые культурные и дисциплинированные массы не вынесли, — говорил В. И. Ленин, — наступил период абсолютного разложения, когда и передовая немецкая армия спасовала»⁴⁰. Немецкий империализм вверг свой народ в пучину национального бедствия, нищеты, голода и разорения. Война закончилась поражением; Германия вступила в полосу революционных потрясений. Авангард немецкого пролетариата в революционных боях пытался уничтожить немецкий империализм и повести страну по пути, указанному Великой Октябрьской социалистической революцией трудящимся и эксплуатируемым всего мира. Однако буржуазия, используя изменников делу рабочего класса, социал-предателей, сумела при помощи кровавого террора, социальной и демократической демагогии помешать революции развернуться в полную силу, сумела спасти основы капиталистического строя.

Ноябрьская революция обнаружила банкротство тех политических прогнозов, которые в течение полувеков выдвигались корифеями немецкой буржуазной историографии. Независимо от оттенков политических направлений вся буржуазная историография оказалась осенью 1918 г. перед лицом политической ситуации, весьма далекой от тех перспектив, которые эти историки рисовали в своем воображении в предшествующие годы. В соответствии с новыми условиями ожесточенной классовой борьбы, которая развернулась в Германии в послевоенные годы, немец-

³⁵ H. Delbrück. Die preussische Wahlreform.— «Preussische Jahrbücher», Bd. 171, 1918, Februar, S. 289.

³⁶ H. Delbrück. Das osteuropäische Chaos.— «Preussische Jahrbücher». Bd. 171, 1918, März, S. 419—420; его же. Der definitive Friede mit Russland und unser Verhältnis zu den Randvölkern.— «Preussische Jahrbücher», Bd. 172, 1918, April, S. 133, 140.

³⁷ H. Delbrück. Das osteuropäische Chaos.— «Preussische Jahrbücher», Bd. 171, S. 420—421.

³⁸ H. Delbrück. Der definitive Friede mit Russland...— «Preussische Jahrbücher», Bd. 172, S. 141—146.

³⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 42.

⁴⁰ Там же, стр. 46.

кле буржуазные историки были вынуждены искать новую политическую ориентировку.

Ведущие представители немецкой буржуазной историографии наглядно продемонстрировали, что ради классовых интересов буржуазии они готовы без колебания жертвовать подлинно национальными интересами подавляющего большинства немецкого народа — трудящихся масс. Все свои знания, весь свой литературно-пропагандистский опыт эти историки использовали для борьбы против революционного пролетариата, для того чтобы вырыть идейную пропасть между немецкими рабочими, крестьянами и трудовой интеллигенцией, с одной стороны, и героическими трудящимися массами страны Советов — с другой. Красной нитью через все выступления немецких буржуазных историков на политические темы проходила мысль, что самую большую опасность для национальных интересов немецкого народа представляло бы увлечение идеями большевизма, идеями пролетарской революции. Многие из буржуазных историков готовы были признать несостоятельность своих надежд на монархию Гогенцоллернов и выбросить из своего политического багажа некоторые традиционные политические концепции. Но они делали это только для того, чтобы с тем большим усердием продолжать идейно-политическую борьбу за сохранение буржуазного общественно-политического строя.

Большая часть немецкой буржуазии стала выступать после революции под республиканскими и демократическими лозунгами. Немецкие империалисты, писал В. И. Ленин, «перекрасились в республиканский цвет, но остались представителями империализма»⁴¹. Характеризуя политическое положение в Германии, В. И. Ленин говорил 11 апреля 1919 г.: «Тамошняя демократическая республика — что это такое? Что такое германская свобода? — Это свобода убивать настоящих вождей пролетариата: Карла Либкнехта, Розу Люксембург и десятки других»⁴². Политические выступления ведущих буржуазных историков, объявивших себя сторонниками демократической республики, наглядно свидетельствуют о том, как они боролись за спасение в Германии буржуазного «порядка».

На протяжении 1918—1922 гг. Трёлчем был написан и опубликован ряд статей на актуальные политические темы⁴³. Уже 16 ноября 1918 г. он пришел к выводу, что в результате революции старая монархия Гогенцоллернов навсегда отошла в прошлое и надежды на ее реставрацию с помощью вооруженной силы несбыточны. Для Трёлча в эти дни речь шла прежде всего о том, чтобы как можно скорее выйти из «революционного хаоса» с помощью Учредительного собрания, в созыве которого он усматривал гарантию сплочения всех сил, способных противостоять попыткам установить в Германии диктатуру пролетариата⁴⁴.

В конце 1918 г. Трёлч в статье «Немецкая демократия» доказывал, что установление в Германии системы политической демократии представляет собой, со всемирно-исторической точки зрения, необходимое явление, соответствующее развитию всех современных государств. Специфика Германии в этом отношении, писал он, состоит, во-первых, в явном запоздании этого процесса, во-вторых, в том, что он начался как результат военного поражения и в обстановке реальной угрозы установления классового господства пролетариата. Отсюда, по Трёлчу, следовал вывод, что демократия «является не только результатом политического и социального развития современного государства, но и единственным средством... спасти здоровое ядро социализма, сохраняющего государственное начало... Мы должны научиться использованию этой политической формы, и прежде всего должны выработать в себе стремление к этой форме». Демократия в Германии, по мнению Трёлча, должна была иметь своим прообразом идеи, выдвинутые Токвилем, и явиться дальнейшим развитием традиций, свойственных немецкому духу на всем протяжении его исторического развития, приобрести консервативную окраску и в

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 134.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 268.

⁴³ Большая часть этих статей после смерти Трёлча была опубликована в сборнике: E. Troeltsch. Spektator — Briefe. Aufsätze über die deutsche Revolution und Weltpolitik 1918—1922. Tübingen, 1923.

⁴⁴ Ibid., S. 11—12.

этом смысле быть аналогичной «величайшей и жизнеспособнейшей демократии мира, североамериканской демократии»⁴⁵.

В конце декабря 1918 г. Трёльч писал о необходимости немедленной реорганизации немецкой армии с целью создания военной силы, без которой в Германии невозможно «обеспечить порядок» и предотвратить установление диктатуры пролетариата. Зверства немецкой контрреволюции в январе 1919 г., убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург рассматривались им как «ужасный эпизод» необходимого, однако, «усмирения спартаковцев». Начавшиеся создание регулярных войск контрреволюции Трёльч оценивал как признак «здорового» государственного развития. Признавая «заслуги» социал-демократов типа Шейдемана, Эберта и Носке в борьбе против революционного пролетариата, Трёльч призывал к сплочению всех «здравомыслящих» и выражал надежду, что державы-победительницы не допустят превращения Германии в новый очаг пролетарской революции⁴⁶. Он стремился доказать, что чрезмерное ослабление победителями немецкого государства может иметь самые пагубные последствия для них самих. С разочарованием писал Трёльч 25 мая 1919 г. о том, что державы Антанты при заключении мира с Германией хотя и «уничтожили, по всеобщему мнению, мировую революцию», но сделали это опять-таки за счет Германии⁴⁷. Тем не менее в статье «Мировая система Антанты» в сентябре 1920 г. Трёльч утверждал, что политика союза с Советской Россией против держав-победительниц была бы политикой отчаяния, которая встретила бы осуждение подавляющего большинства немецкого народа. Для немцев, по мнению Трёльча, «не остается иного выхода, как идти вместе с западными державами и одновременно защищаться, по возможности, от их жестоких угроз и притеснений с помощью применения сохранившихся правовых средств, апелляции к моральным нормам, признанным всем миром, с помощью лояльных средств... и с помощью постоянного опровержения безумной и ханжеской догмы об исключительной ответственности немцев за начало войны»⁴⁸.

Если политические взгляды Трёльча важны для понимания взглядов буржуазных историков, переходивших в 1918—1919 гг. с позиции прусско-монархического либерализма на республиканско-демократические позиции, то политические идеи, развивавшиеся в эти годы Вебером, представляют существенный интерес с другой точки зрения: они позволяют проследить эволюцию взглядов крупного буржуазного социолога, историка и философа, который, в отличие от подавляющего большинства своих коллег, как в предвоенные, так и в военные годы критиковал отдельные стороны существовавшего в Германии государственного строя и политику монархического правительства.

Нельзя сказать, что для Вебера Ноябрьская революция была неожиданностью. Но вплоть до самого последнего момента он считал необходимым принимать меры для ее предотвращения. Еще 4 ноября 1918 г. Вебер в докладе «Политическая реорганизация Германии», прочитанном в Мюнхене, стремился доказать, что революция не способна дать Германии ни мира, ни социалистических преобразований, а приведет лишь к иностранной оккупации и к политической реакции⁴⁹. Для Вебера, как он писал несколько позднее, революция в Германии — это «кровавый карнавал, не заслуживающий почетного имени революции»⁵⁰. Тем не менее Вебер некоторое время принимал участие в деятельности рабочего и солдатского Совета г. Гейдельберга. Зачем он это делал, можно понять из его письма от 18 ноября 1918 г., в котором Вебер с удовлетворением писал о «разумности и дисциплинированности» руко-

⁴⁵ E. Troeltsch. *Spektator* — Briefe, S. 302—303, 306—307, 309, 311.

⁴⁶ «Только благоразумный учет нашими противниками (т. е. державами Антанты.— А. Д.),— писал Трёльч,— своих собственных интересов и окончательное осуществление так торжественно провозглашенного ими мирового порядка, равно как и объединение благоразумных людей в целях поддержания порядка и законности... может помочь не только нам, но и всему миру».— E. Troeltsch. *Spektator* — Briefe, S. 28—33, 35, 40—42, 45—46, 51.

⁴⁷ *Ibid.*, S. 47—49, 76—77, 152—156.

⁴⁸ *Ibid.*, S. 159.

⁴⁹ M. Weber. *Max Weber*, S. 639.

⁵⁰ *Ibid.*, S. 642.

водства гейдельбергского Совета и, вместе с тем, заявлял: «Теперь является решающим, будет ли сдержана безумная банда Ляйкнехта... Если дело пойдет плохо, тогда американцы, хотя бы они этого или нет, должны будут навести порядок»⁵¹. Через неделю, 24 ноября, Вебер с сожалением указывал, что «справительство не располагает... действительно надежными кадровыми войсками, из этого и проистекает его неизбежная слабость. Если, как это можно ожидать, будет продолжаться охлократия или, более того, в результате путча победят (временно) спартаковцы, то тогда придет «спасение» в лице званой или незваной оккупации страны войсками противника»⁵². В декабре 1918 г.—начале января 1919 г. Вебер неоднократно выступал с политическими речами на собраниях в Висбадене, Гейдельберге, Франкфурте-на-Майне, Карлсруэ и в других городах. Основной идеей его выступлений был призыв к быстрейшему разгрому революционного авангарда немецкого пролетариата — коммунистов.

Все это с достаточной определенностью свидетельствует об откровенно контрреволюционном характере политических взглядов Вебера. Наиболее желательным для Германии государственным строем он считал парламентарно-демократическую республику. Как он понимал ее — ясно видно из содержания его беседы с генералом Людендорфом, состоявшейся весной 1919 г.:

«Вебер: Неужели Вы думаете, что я считаю демократией существующее сейчас свишство?

Людендорф: Если Вы так говорите, то, пожалуй, мы сможем понять друг друга. Вебер: Но до этого свишством была также монархия.

Людендорф: Что же в таком случае понимаете Вы под демократией?

Вебер: При демократии народ выбирает своего вождя, которому доверяет. Затем избранный говорит: «Теперь замолчи и повинуйся». Народ и партии не могут больше давать ему наставлений.

Людендорф: Такая «демократия» мне может понравиться»⁵³.

Нет ничего удивительного, что при обсуждении вопроса о конституции Германии Вебер считал совершенно необходимым наделение президента республики широкими полномочиями. Для обеспечения независимости президента от парламента Вебер настаивал на прямом избрании президента гражданами и на введении таких конституционных норм, при которых в случае конфликта между президентом и парламентом спор решался бы при помощи плебисцита⁵⁴. Участвуя в качестве эксперта в выработке текста Веймарской конституции, Вебер добивался законодательного оформления этих идей. Он принимал деятельное участие в разработке знаменитой 48-й статьи Веймарской конституции⁵⁵, которая наделяла президента чрезвычайными полномочиями и создавала ту юридическую базу, опираясь на которую немецкий империализм в годы Веймарской республики для подавления освободительного движения немецкого пролетариата не только многократно попирали формально провозглашенные в конституции свободы и права граждан, но и расчищал дорогу для установления в Германии фашистской диктатуры.

В области внешней политики Вебер считал необходимым достигнуть единства действий Германии с державами-победительницами в совместной борьбе против Советской России. Вебер предлагал приспособить внешнюю политику Германии к мировому господству США с таким расчетом, чтобы обезопасить буржуазную республику в Германии от ее главного, как он считал, врага — революционной России. «Американское мировое господство, — заявил Вебер уже 24 ноября 1918 г., — столь же неотвратимо, как было неотвратимо в античном мире после Пунических

⁵¹ M. Weber. *Gesammelte politische Schriften*, S. 482. Как справедливо отмечает Р. Науман, это заявление Вебера свидетельствовало о его готовности во имя привилегий монополистического капитала «пожертвовать законическими интересами и независимостью Германии». — R. Naumann. *Theorie und Praxis des Neoliberalismus*, S. 47.

⁵² M. Weber. *Max Weber*, S. 482.

⁵³ *Ibid.*, S. 665.

⁵⁴ M. Weber. *Gesammelte politische Schriften*, S. 361—369, 390—393.

⁵⁵ Max von Baden. *Erinnerungen...*, S. 128; K. Jaspers. *Max Weber*, S. 22; R. Naumann. *Theorie und Praxis des Neoliberalismus*, S. 46.

войн римское мировое господство. Остается при этом надеяться, что Америка не будет делить его с Россией. Для меня это — цель нашей будущей международной политики, так как русская угроза устранена только временно, а не навсегда»⁵⁶.

К числу историков, пересматривавших во время революции некоторые из прежних своих представлений об историческом развитии Германии, принадлежал наряду с Вебером и Мейнеке. В докладах и статьях, появившихся в годы революции⁵⁷, стремление дать ответ на жгучие вопросы современности было связано у него с критической переоценкой той концепции истории Германии XIX в., создание которой связано с именами Ранке, Трейчке и Зибеля⁵⁸. Больше, чем какой-либо другой немецкий буржуазный историк, Мейнеке считал необходимым уже во время революции рассматривать современные проблемы в широкой исторической перспективе, позволяющей, как он полагал, найти правильную ориентировку при решении насущных политических вопросов.

Подобно другим буржуазным историкам, Мейнеке воспринял Ноябрьскую революцию как национальную катастрофу, а возможность победы пролетарской революции в Германии вызывала у него ужас⁵⁹. Он считал, что кильские матросы и последовавшие их примеру солдаты, подняв вооруженное восстание, сорвали мирное преобразование государственного строя Германии, осуществившееся правительством принца Макса Баденского, нанесли «ужасную рану родине» и совершили национальную измену. Имея в виду возможность продолжения революции в Германии, Мейнеке в докладе, сделанном в марте 1919 г., говорил: «Самоубийственное безумие, распространившееся среди нас и всыхивающее то тут, то там, это безумие могло бы разрушить также и то, что у нас еще сохранилось»⁶⁰.

В ноябре 1918 г. — январе 1919 г. Мейнеке считал главной целью своей политической деятельности всемерное содействие созданию «твердого» государственного порядка, способного предотвратить установление политического господства революционного пролетариата⁶¹. Признавая невозможность реставрации монархии⁶², он добивался создания такой формы республики, при которой власть президента должна выступать как «Ersatzkaisertum». Уже в середине ноября 1918 г. по поручению статс-секретаря Зольфа Мейнеке разработал проект принципов республиканской конституции, опубликованный им в виде статьи в январе 1919 г.⁶³. Проект Мейнеке

⁵⁶ M. Weber. Gesammelte politische Schriften, S. 483—484.

⁵⁷ Статьи и доклады Мейнеке за период с ноября 1918 г. до осени 1919 г. были изданы отдельным сборником: F. Meinecke. Nach der Revolution. Geschichtliche Betrachtungen über unsere Lage. München — Berlin, 1919.

⁵⁸ У Мейнеке такая переоценка происходила одновременно с изменением его политических взглядов. «По отношению к прошлому я остаюсь монархистом сердца, — писал Мейнеке, — по отношению к будущему я стал республиканцем разума». — F. Meinecke. Verfassung und Verwaltung der deutschen Republik. — «Die neue Rundschau», 1919, № 1, S. 2.

⁵⁹ 6 декабря 1918 г. Мейнеке записал в своем дневнике: «Мировая война теперь, пожалуй, переходит в мировую революцию. Если по всем линиям побеждает ужасный большевизм, то я вижу в этом страшный божий приговор над современной культурой и человечеством». — F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 275—276.

⁶⁰ F. Meinecke. Nach der Revolution, S. 9, 59—60.

⁶¹ Одобрив применение террора против революционных рабочих, Мейнеке возлагал, однако, главные надежды в деле спасения буржуазного общества в Германии на дезорганизаторскую деятельность в рядах рабочего класса социал-предателей типа Эберта. Мейнеке записал 9 декабря 1918 г. в дневнике, что «не остается... ничего другого, как всемерно укреплять позиции людей Эберта». — F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 275.

⁶² В середине ноября 1918 г. по инициативе Ратенау и Трёлча было созвано совещание для подготовки воззвания к немецкой буржуазии с призывом «действовать рука об руку с рабочими в создании республики и борьбе против большевизма». В проекте воззвания, предложенном Трёлчем, содержались слова об одобрении происшедшего революционного переворота. На совещании Мейнеке выступил с заявлением, что он готов «не отрицать неустранимого исторического факта и сделать из этого необходимые выводы», но не может приветствовать революцию. Лишь под давлением Трёлча, пишет Мейнеке, и «с внутренней болью» он поставил свою подпись под воззванием. — F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 258.

⁶³ F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin..., S. 258—259; его же. Verfassung und Verwaltung der deutschen Republik. — «Die neue Rundschau», 1919, № 1.

основывался не только на создании независимого от парламента президента, непосредственно избираемого всеобщим голосованием, и на подчинении ему всего государственного аппарата, но и на сохранении, правда, в обновленном виде, старого чиновничества, доступ в ряды которого должен был быть строго ограничен. В этом Мейнеке усматривал гарантию спасения устоев буржуазного государства: «Уже сейчас мы чувствуем, что папа оставшаяся в известной степени неприкосновенной государственная администрация может спасти нас от наихудшего хаоса»⁶⁴.

Политические позиции Мейнеке в дни революции — это позиции врага революции вообще и революционного пролетариата в особенности. Но для Мейнеке революция не случайность. Она уходит своими корнями в предшествующую историю Германии, начиная с середины XIX в., в те десятилетия, когда рождался вопрос о политическом единстве немецкой нации и создавалась та общественно-политическая система, которая просуществовала до ноября 1918 г. Мейнеке неоднократно подчеркивал недопустимость недооценки «великого национального значения» деятельности Бисмарка и созданной им системы⁶⁵. В марте 1919 г. Мейнеке даже утверждал, что «во время катастрофы 1918 г. погибла не подлившая, настоящая прусская система, а деградировавшая, распатанная система». Опасные симптомы Мейнеке усматривает в Пруссии еще до того, как ею была создана Германская империя: «с самого начала опасность деградации и распатывания в известной степени угрожала этому государству». Мейнеке признает, что он, как и все довоенные немецкие историки, повинен «в канонизации процесса национального развития», связанного с деятельностью Бисмарка, и что он «до самого последнего времени все еще переоценивал устойчивость и жизнеспособность старопрусского фундамента»⁶⁶.

Для Мейнеке этот критический пересмотр прежних взглядов был необходим для объяснения причин, обусловивших военное поражение и революцию. С точки зрения Мейнеке, созданная Бисмарком политическая система открывала возможность для использования национального государства в интересах отдельных партий и привилегированных социальных групп⁶⁷, позволяла развернуть свою деятельность «опыленным силой» пангерманцам, которые «были кулаком по столу и чадеялись при помощи кулака основать мировую империю». Отсюда происходили, по Мейнеке, грубейшие просчеты во внешней политике, прежде всего разжигание конфликта с Англией, меряться силами с которой на море Германия была не в состоянии⁶⁸. Среди высших классов немецкого общества «исчезли гуманистические чувства» по отношению к низшим классам своего собственного народа и по отношению к другим народам⁶⁹. Военную систему, которой Германия имела основания гордиться, стала разрушать все более и более расширявшаяся трещина между офицерами и солдатами. Во время войны немецкая национальная идея, продолжал Мейнеке, слишком часто извращалась, выступая в форме господства общественных верхов, и массы имели мало оснований в момент военной катастрофы для выступ-

См. также анализ проекта Мейнеке в статье: Н. Holborn. *Verfassung und Verwaltung der deutschen Republik. Ein Verfassungsentwurf Friedrich Meineckes aus dem Jahre 1918.* — «Historische Zeitschrift», Bd. 147, 1932.

⁶⁴ F. Meinecke. *Verfassung und Verwaltung der deutschen Republik.* — «Die neue Rundschau», 1919, № 1, S. 7.

⁶⁵ F. Meinecke. *Nach der Revolution*, S. 52, 58—59.

⁶⁶ *Ibid.*, S. 18, 54, 62.

⁶⁷ *Ibid.*, S. 53, 55. Нетрудно заметить, что Мейнеке в данном случае, как, впрочем, и в ряде других, воспроизводит мысли, высказанные Максом Вебером еще в 1895 г. См. M. Weber. *Gesammelte politische Schriften*, S. 7—25.

⁶⁸ *Ibid.*, S. 56—57. Следует заметить, что Мейнеке осуждал пангерманцев не за стремление к созданию мировой империи. «Это было так естественно, — указывал Мейнеке, — что мы не можем упрекать себя в этом даже и сейчас». Ошибочными, полагал он, были методы, тактика, применявшиеся для достижения Германией положения «мировой нации».

⁶⁹ *Ibid.*, S. 58. Впрочем, сам Мейнеке своими выступлениями во время войны отнюдь не содействовал воспитанию «гуманистического отношения» у немцев к другим народам. Его статьи были наполнены повинническими выпадами в адрес славян, англичан и французов. См. например, F. Meinecke. *Die deutsche Erhebung von 1914*, S. 42—43, 48—49, 55, 67—69, 71—72, 79—83, 92—93.

ления в защиту национальной идеи в ее официальной форме⁷⁰. Все эти обстоятельства, вместе взятые, указывал Мейнеке, и сделали возможной революцию: «Я усматриваю основную причину революции в повсеместно обнаруживающемся отсутствии национального единства между правящими слоями общества и народом»⁷¹. Таким образом, по его мнению, революция была порождена политическими и военными причинами, в то время как результаты социально-экономического развития имели лишь второстепенное значение⁷².

Все эти весьма далекие от науки построения пужны были Мейнеке для обоснования выдвинутой им политической программы, рассчитанной на прикрытие классовых противоречий капиталистического строя рассуждениями о «национальном единстве»⁷³. Мейнеке объявлял теперь демократическую республику наиболее пригодной политической формой для послереволюционного буржуазного государства. Национальное единство, писал Мейнеке, «несовместимо с тем обостренным классовым борьбой, от которого мы страдаем вплоть до сегодняшнего дня. Национальная идея в своей современной форме требует социального примирения сопряженных и не терпит раскола нации на два спорящих между собой народа»⁷⁴.

Классовая позиция самого Мейнеке ярко проявилась в его утверждении, что в области экономических отношений германская республика должна признать необходимость капиталистической системы хозяйства. Допустима лишь постепенная «социализация», не затрагивающая ни частной собственности, ни предпринимательской инициативы, но вместе с тем позволяющая создать у рабочих чувство заинтересованности в производстве и повысить производительность их труда⁷⁵.

Для понимания политической концепции Мейнеке важны и его взгляды на внешнеполитические проблемы. В феврале 1919 г. он заявлял, что потеря Германией Эльзаса и Лотарингии привнесла бы к тому, что «до тех пор, пока в нас сохраняется хотя бы искра национальной жизни, такое насилие никогда не могло быть забытым»⁷⁶. Мейнеке считал необходимым возродить великогерманскую идею. Учитывая возможность уничтожения в Германии всеобщей воинской повинности, он призывал к сохранению «духа этой повинности», который позволил бы дать почувствовать всему миру нежелание немцев «навсегда оставаться безоружными и терпеть над собой насилие». Лигу наций Мейнеке рассматривал как арену, на которой Германия сможет объединить вокруг себя «народы, страдающие под игом мирового господства англосаксов»⁷⁷.

Взгляды Мейнеке, развивавшиеся им в 1918—1919 гг., весьма показательны не только в плане изучения тех изменений, которые были порождены Ноябрьской революцией в немецкой буржуазной историографии⁷⁸. Эти взгляды, свидетельствующие о появлении в немецкой буржуазной историографии парламентарно-республиканского направления, были неразрывно связаны с насаждением среди широких масс немецкого народа буржуазно-парламентских иллюзий, со стремлением дискредитировать в глазах рабочего класса и мелкобуржуазных слоев населения идею революционной борьбы за социализм. Оценивая критику предшествующей буржу-

⁷⁰ F. Meinecke. Nach der Revolution, S. 59, 60.

⁷¹ Ibid., S. 27.

⁷² Ibid., S. 42, 43.

⁷³ Ibid., S. 45—46. В своем дневнике Мейнеке записал 9 февраля 1919 г.: «Коротко говоря, смысл моей политики заключается в том, чтобы из двух наций создать одну нацию». — F. Meinecke. Strassburg — Freiburg — Berlin... S. 278.

⁷⁴ F. Meinecke. Nach der Revolution, S. 68.

⁷⁵ Ibid., S. 43, 64, 68. Нетрудно заметить, что Мейнеке выступал здесь как сторонник той демагогической проповеди «социализации», которой в конце 1918 — начале 1919 г. занимались шейдемановцы.

⁷⁶ Ibid., S. 66.

⁷⁷ Ibid., S. 63, 68, 74, 100—101.

⁷⁸ Обоснованию необходимости пересмотра некоторых созданных в прошлом немецкой историографией политических концепций была посвящена также выпущенная в июне 1919 г. работа В. Гёца. «Мы... писал он... с неутомимостью должны проверить последние десятилетия нашего развития, разъяснить нации встречающиеся в этом развитии ошибки». Но «самокритика» у Гёца была еще более скромной, чем у Мейнеке. — W. Goetz. Die deutsche Geschichtsschreibung des letzten Jahrhunderts und die Nation. Leipzig — Dresden, 1919.

азной историографии со стороны Мейнеке, необходимо иметь в виду, что Мейнеке отнюдь не предлагал порвать со всеми прусско-бисмарковскими традициями. Напротив, он призывал бережно относиться к ним. Это и понятно, так как Мейнеке вовсе не помышлял о принципиальном разрыве с политикой германского империализма и его критика касалась лишь некоторых методов ее осуществления.

* * *

Рассмотренные нами политические взгляды видных немецких буржуазных историков в годы мировой войны и во время революции 1918—1919 гг. с достаточной определенностью показывают непосредственное участие ведущих представителей буржуазной историографии в пропаганде политических идей германского империализма, в идейной борьбе как против революционного движения немецкого пролетариата, так и против Советской России.

Важно подчеркнуть, что в этой борьбе активно участвовали не только открыто реакционные историки, объединившиеся вокруг Пангерманского союза, но и историки так называемого «либерального направления». Политические идеи и практическая политическая деятельность этих историков с полной очевидностью свидетельствуют о том, что разногласия среди немецких буржуазных историков не выходили за рамки споров о формах и методах проведения в годы войны империалистической политики.

С первых же дней Ноябрьской революции в Германии историки-либералы приложили большие усилия для спасения ключевых позиций власти германской буржуазии, выступив в роли озлобленных и непримиримых врагов революционного пролетариата. Широко используя либерально-демократическую фразеологию, М. Вебер, Э. Трельч, Ф. Мейнеке сделали все от них зависящее, чтобы создать в Германии такой политический строй, при котором руководство государством было бы обеспечено за буржуазией. В области внешней политики их деятельность была направлена на идейное обоснование необходимости союза всех империалистических держав против страны Советов и международного революционного движения под лживым лозунгом «единства западного мира».

Таким образом, «духовные отцы» современного западногерманского неолиберализма были в действительности не менее ревностными, хотя и более изощренными, защитниками германского империализма, чем их собратья из консервативного лагеря.

